

«Коммунистическая правда»
1977, 13826. №37

какая интересная личность!

ИСКУССТВО РЕВОЛЮЦИИ

Даровитый живописец и не менее даровитый рисовальщик, первый иллюстратор Маяковского, талантливый театральный художник, автор одного из самых смелых архитектурных проектов, вписавшего его имя в учебники современной архитектуры, изобретатель и создатель интереснейшего по своим формам летательного аппарата, автор и одновременно собственноручный исполнитель предметов нового быта, начиная со стульев, предвосхитивших пятьдесят лет назад некоторые формы современной мебели, и кончая рабочей одеждой, человек, умеющий обращаться и с металлом, и с деревом, — вот далеко не полный перечень того, чем занимался в своей жизни умерший в 1953 году в Москве и похороненный на Новодевичьем кладбище советский художник, заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Евграфович Татлин.

К этому можно было бы добавить еще многое: прекрасный музыкант, бандурист, он играл старинные думы на бандурах, сделанных собственными руками; их можно и сейчас увидеть в Музее музыкальной культуры имени Глинки. Друг летчиков и планеристов и одновременно друг музыкантов и поэтов, он, по свидетельству людей, лично его знавших, великолепно читал стихи Маяковского, Хлебникова и Есенина. А одна из его ранних живописных работ «Матрос» — не что иное, как автопортрет художника в юности, когда он, увлеченный морем, не раз уходил в плавание матросом. Не правда ли, какая интересная личность! В ней есть нечто очень привлекательное и внутренне связывающее ее и с нашим временем, и с нашим обществом, где и вторая, и третья профессии человека давно стали не в диковинку. И не случайно, что в этом, 1977 юбилейном году одна из выставок, сделанных в преддверии съезда художников СССР, — это выставка работ Татлина, открытая сейчас в Центральном Доме литераторов.

Татлин — одно из тех явлений в истории нашей советской культуры, мимо которых, наверно, не должны проходить мы, литераторы. Интересная личность всегда интересна — увидел ли ты ее сегодня своими глазами или встретился с нею заочно в истории.

Отец художника был инженером-путейцем, еще в конце прошлого века изучавшим опыт работы железных дорог в Соединенных Штатах и написавшим об этом книгу. И, думается, правы те, кто считает, что интерес к инженерии, к конструированию был заложен в будущем художнике отцом и развивался с детства. А те плаванья матросом, которые совершал в юности Татлин, были связаны не только с романтической тягой к морю, но и с интересом к такому инженерному сооружению, как паролот, или к такому чуду красоты, соединенной с целесообразностью, как оснастка парусного судна.

Татлин всю жизнь оставался человеком мастеровым, умевшим не только изобретательно придумывать, но и изобретательно создавать. И если посмотреть на некоторые его фотографии — и в молодую, и в немолодую пору его жизни, — какие-то черточки мастерового человека всегда присутствуют даже и в его внешнем облике. Это был человек крепкий и жилистый, с большими, сильными рабочими руками, умевшими, как это показывают многие его работы, преодолевать сопротивление самых неподатли-

вых материалов. Когда смотришь на старые фотографии Татлина и его товарищей по работе над проектом памятника Третьему Интернационалу, то сразу же замечаешь, что это не просто авторы проекта, а люди, застигнутые в разгар работы, люди, своими руками превращавшие этот проект в модель, сложную по конструкции и по материалам, — целое инженерное сооружение.

Идея создания проекта этого памятника вызрела у Татлина, а потом и начинала осуществляться в ту пору, когда он работал в ИЗО Наркомпроса и был прямо причастен к ряду практических дел, связанных с осуществлением ленинской идеи монументальной пропаганды. А сам проект памятника Третьему Интернационалу был его собственным художническим вкладом в реализацию этих коллективных планов. Работа художника была одухотворена высокими революционными целями и отмечена дерзостью архитектурной и конструкторской мысли.

Да, разумеется, ажурная металлическая башня-памятник, башня — дворец революции, высота которой проектировалась в четыреста метров, не могла быть поднятой в небо, практически осуществленной. Но, великолепно технически исполненная, модель башни была показана сначала в Петрограде, а потом и в Москве, в ДOME союзов, на выставке, приуроченной к VIII Всероссийскому съезду Советов, обсуждавшему план ГОЭЛРО.

Вокруг проекта башни было много споров, одни ее превозносили, другие отрицали — да и странно было бы, если бы не возникло споров вокруг столь дерзкого по мысли проекта.

Однако, несмотря на все эти споры, через четыре года заново воссозданная модель башни стала одним из главных наших экспонатов на одной из первых международных выставок, в которой принял участие Советский Союз, и получила на этой выставке декоративного искусства в Париже золотую медаль.

А сам Татлин продолжал работать разнообразно и напряженно, как работал всю свою жизнь: живопись, графика, работа в театре, занятия педагогкой в художественных вузах — что характерно для Татлина — на керамическом и дерево-металлообрабатывающем факультетах; работа в Институте силикатов и стройматериалов; и, наконец, попытки создания летательного аппарата для свободного парения «Летатлина», о котором я уже упоминал. В этой работе Татлин сотрудничал с авиаторами, с людьми, издавна близкими ему своими поисками технической целесообразности, смыкающейся с безукоризненностью форм. Заботливо восстановленный нашими авиаторами и историками отечественной авиации, «Летатлин», некогда впервые продемонстрированный в Музее изобразительных искусств в Москве, возобновил свою жизнь в Музее Военно-Воздушных Сил и до сих пор поражает взгляд своей изобретательной красотой.

Татлину присваивают в эту пору звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, и в 1932 году в Музее изобразительных искусств открывается его персональная выставка, к открытию которой был приурочен выход маленькой, но очень любопытной брошюры, написанной самим Татлиным и известным военным летчиком и пилотом-парителем К. Арцеуловым. Брошюра эта была посвящена главным образом проекту лета-

тельного аппарата, но Татлин высказывался в ней и по некоторым другим волновавшим его вопросам.

Будучи сам в своих работах убежденным конструктивистом, он критиковал игру в «конструктивизм» в кавычках, беспочвенное модничанье вокруг этого, важного для него, понятия и призывал художников заниматься тем, что мы сегодня назвали бы «дизайном», или «технической эстетикой».

«Работа в этой области, включающая в себя мебель, предметы быта, еще только начинается, — писал он. — Между тем рождение новых культурно-бытовых учреждений, в которых будут жить, думать и выявлять свои дарования массы трудящихся, потребует от художников не только внешней декоративности, но потребует прежде всего вещей в соответствии с диалектикой нового быта».

У Татлина слова не расходились с делом, и в примыкающий к этому высказыванию период он занимался не только летательным аппаратом, но и мебелью, и рабочей одеждой — именно теми предметами быта, о которых он писал.

И на старой фотографии в одном из иллюстрированных журналов того времени — высокий худощавый человек, одетый в костюм, чем-то похожий на нынешние костюмы студенческих строительных отрядов, — это не кто иной, как сам Татлин, наглядно пропагандирующий свое детище. Не знаю, как для кого, а для меня в этом есть что-то неотразимо привлекательное.

В последующие годы, как и всегда, Татлин продолжает заниматься живописью, продолжает рисовать, принимать участие в разных практических делах, в том числе делает макеты павильонов для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, но главным полем его деятельности постепенно становится театр, и эта работа в театре проходит через весь конец тридцатых годов, через войну, через первые послевоенные годы, вплоть до последних дней жизни Татлина.

Войну он встречает уже далеко не молодым, пятидесятишестилетним человеком. Как и на большинство других семей, на его семью обрушивается горе: после нескольких ранений в 1943 году на фронте погибает его единственный сын. Но художник продолжает напряженно работать. На эти военные и послевоенные годы падает особенно большое количество работ Татлина в театре. После сделанной с Кедровым во МХАТе «Глубокой разведки» следует работа с Берсеневым в Театре имени Ленинского комсомола над спектаклем «За тех, кто в море», с молодым тогда Товстоноговым над «Где-то в Сибири» и над многими другими спектаклями, два из которых оказываются удостоенными Государственных премий.

1953 год — последний год работы и последний год жизни Владимира Евграфовича Татлина, жизни, полной поисков, изобретательства, неизменного упорного труда; жизни настоящего человека и художника, сына своей бурной эпохи и своего социалистического Отечества.

Мне остается сказать, что об этом интереснейшем человеке и его работах, заботливо сохранных для истории нашими государственными музеями и архивами, делается сейчас телевизионный фильм, в съемках которого я с большой охотой и увлечением участвую.

Константин СИМОНОВ.